

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

Б.З. ДОКТОРОВ

БОРИС ГРУШИН И ЮРИЙ ЛЕВАДА. НАЧАЛО ПОСТБИОГРАФИЙ

Поводом для написания этой статьи стало появление в 2010 году двух книг памяти Бориса Андреевича Грушина (1929–2007) и Юрия Александровича Левады (1930–2006). Книга «Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде» [5] выпущена его семьей. Книга «Открывая Грушина» [20] подготовлена сотрудниками факультета журналистики МГУ, в частности, в нее вошли выступления участников первых «Грушинских чтений на Моховой», состоявшихся в феврале 2010 г. Оба сборника воспоминаний сразу стали библиографической редкостью. Тираж первого — 150 экз., второго — 500. Почти все мгновенно разошлось между авторами воспоминаний, друзьями и учениками Грушина и Левады.

Традиционно ученых, изучающих жизнь и творчество выдающихся личностей, называют биографами, словом, производным от «био-графия» (описание жизни). Но укажу на существование несколько необычной, но весьма эвристичной трактовки деятельности по восстановлению образа биографируемых людей. Она принадлежит известному специалисту в области истории и философии физики Б.Г. Кузнецову, автору научных биографий ряда выдающихся ученых и мыслителей разных эпох. Во введении к своей небольшой автобиографической книге он отмечал, что исследователя прошлого науки и творчества ученых, возможно, более уместно называть «биологом», нежели «биографом» [12]. «Графия» указывает на описание жизни, тогда как не используемый в наше время в его исходном смысле линнеевский термин «биолог» соединяет «Биос» и «Логос» и указывает на *постижение, познание* жизни в ее единстве с окружающим миром.

Именно био-логическая «платформа» лежит в основании анализа указанных книг.

Докторов Борис Зусманович — доктор философских наук, профессор, независимый аналитик и консультант (Foster City, California, USA).
Электронная почта: bdoktorov@inbox.ru

Книги памяти Б.А. Грушина и Ю.А. Левады

В моем понимании биография — это совокупность всех действий и мыслей человека, приходящихся на годы его жизни. События после его смерти не в силах изменить траекторию жизни этого человека и окружавшее его социокультурное пространство. Ибо все произошло, состоялось, ушло. Но время придает прожитому человеком новый смысл, детерминирует, проявляет его судьбу. Судьба — это комплекс всего, что предопределяет биографию человека (предбиография), наполняет его жизнь (собственно биография) и связано с ним после ее завершения (постбиография). У биографии есть начало и конец, судьба же теоретически бесконечна, точнее сказать — судьба обычно дольше, продолжительнее жизни.

Предбиографию человек не выбирает, она дается ему при рождении. В некоторых обществах, культурах предбиографии придается огромное значение, ребенка специально вводят в мир его предков, учат его знать и уважать их. Видеть себя их продолжением. Биография — это та часть судьбы, которая в наибольшей степени определяется поведением человека в заданном ему историей социальном пространстве-времени и в том микромире, который он создает сам. Постбиография человека, естественно, не свободна от предбиографии и собственно биографии, но вместе с тем она во многом образуется теми, кто знал этого человека и кто находит сделанное им важным для себя и значимым для других. И еще: постбиография — функция времени, наступающего после смерти человека. Короче, это очень сложное образование.

Содержание сборников «Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде» и «Открывая Грушина» делает их многофункциональными. Они дали возможность людям, многие годы знавшим героев этих книг, дружившим с ними, исполнить свой долг и рассказать нечто дорогое, сокровенное о них. Эти книги — ценнейший материал для истории советской/российской науки, ведь и Грушин, и Левада — ее создатели, во многом определившие ее концептуальную и методическую основу, заметно обогатившие ее информационный багаж, а также задавшие для нашего профессионального сообщества высокие нравственные образцы поведения в системе взаимоотношений социолога и власти. Уверен, названные книги будут интересны для историков и культурологов советского времени. Грушин и Левада — яркие представители поколения, родившегося на рубеже 1930-х, в сознательном возрасте встретившего Великую Отечественную войну, позже названного шестидесятниками и активно заявившего о себе в годы перестройки. Укажу еще одну группу специалистов, для которых будет полезно знакомство с обсуждаемыми книгами, это — науковеды. Грушин и Левада, в силу сделанного ими и их личностных качеств, были коммуникативными суперзвездами

нашего сообщества. Даже беглое рассмотрение воспоминаний, собранных в этих сборниках, позволяет построить каркасы ряда принципиальных для советской социологии коммуникативных сетей. С этой целью достаточно проанализировать состав авторов обеих книг (замечу, эти совокупности заметным образом пересекаются) и попытаться понять специфику в значительной мере общей для Грушина и Левады профессионально-коммуникативной среды.

Отмечу еще одно принципиальное значение этих книг: с них, по сути, начинаются постбиографии Грушина и Левады. Книги задают пространство — координаты и шкалы, — в котором зарождается и, скорее всего, будет продолжаться анализ биографий этих социологов, характер их творчества и их наследия в целом. В настоящее время историко-научные исследования биографической направленности лишь зарождаются в нашей социологической литературе, и потому существует множество методологических, информационных и этических проблем проведения постбиографических поисков. Тем не менее, легко понять, что при изучении прошлого-настоящего-будущего советской/российской социологии этот жанр будет развиваться.

Близость жизненных траекторий Грушина и Левады

Жизненные траектории Грушина и Левады пересеклись в конце сороковых и на протяжении следующих шести десятилетий располагались очень близко друг к другу в одном физическом, профессиональном, политико-идеологическом и социокультурном пространстве.

В воспоминаниях Аллы Верховской приведен точный портрет Грушина и Левады, хранящийся в ее памяти с середины 1960-х годов. Вот в зал ученого совета факультета журналистики вошли двое, сразу привлечшие к себе внимание всех присутствовавших: «Один — большой, красивый... со спокойными манерами, необычайно доброжелательным выражением лица, а моментами и хитрым прищуром голубых глаз — Юрий Александрович Левада. Второй, отличный от него почти до противоположности, невысокий, худощавый, черноглазый и подвижный, с порывистыми движениями и энергичной манерой говорить — Борис Андреевич Грушин. Его портрет дополняли еще не поседевшая тогда борода, неизменная трубка в руке (и черный свитер — в зимнее время). <...> Первый из них производил впечатление необычайной доброты, спокойствия и одновременно некоторой отстраненности, дистанцированности от окружающего, которое сразу разрушалось при более близком общении, но ощущение высоты, до которой трудно дотянуться, оставалось. Второй же был весь как сжатая и постоянно готовая распрямиться пружина, как сгусток энергии, как тот, кто полностью “здесь и сейчас” и всегда готов к общению» [4, с. 61]. И еще один штрих: «С Левадой они были

друзьями со студенческой скамьи философского факультета МГУ, ласково называли друг друга: Борис Андреевич его — Юриком, а Левада его — Бобом» [4, с. 63].

Время не изменило отношения между Грушиным и Левадой. Приведу фрагмент из очень искреннего письма Наталии Георгиевны Карцевой, вдовы Бориса Андреевича, он охватывает и тот период, который отражен в воспоминаниях Верховской, и значительно более поздние годы. «Иногда сталкивались именно потому, что по-разному смотрели на некоторые вещи. Но в этом не было ничего личного, они по-настоящему любили и уважали друг друга, регулярно встречались до самой Юриной смерти. Вот тебе один любопытный факт — ты знаешь, лекции Левады были опубликованы летом 68-го. Мы уезжали на отдых, как всегда в мои родные места в Прибалтику, и Боря взял с собой эту книгу. Он читал ее на пляже, жутко ворчал из-за множества мелких и досадных ошибок и собирался все отчеркнутые места показать по возвращении Юре. А тут август, наши танки в Праге — и завертелось. Дело в том, что у Юры была фраза типа того, что идеологию не утверждают с помощью танков. Это было чистое совпадение, рукопись-то была когда сдана... На знаменитом обсуждении в “Вышке” Боря так резко, энергично и рьяно бросился на защиту автора, что о Юре просто забыли. Вся последующая битва шла уже вокруг Бори. И уже за пределами этого зала» [23]. Речь идет о событиях ноября 1969 года, когда на объединенном заседании кафедр философии Академии общественных наук при ЦК КПСС и Высшей партийной школы при ЦК КПСС рассматривалась ситуация в советской социологии. Тогда резкой критике, проще, — разносу была подвергнута книга Левады по методологии социологических исследований. Обвинения носили идеологический характер. В обсуждении выступил Грушин, поддержавший Леваду и сказавший: «Время покажет, кто стоял на пути развития советской социологии, а кто лежал, причем не вдоль, а поперек». В отношении сидевших в президиуме он добавил: «Мертвые хватают живых». Как отмечает Грушин, вскоре появилось мнение: «Грушин хуже Левады» [8, с. 214.].

В 1947 году два золотых медалиста встретились на философском факультете МГУ. Москвич Грушин «был одержим проблемами морали» и шел туда, чтобы улучшить свое поколение [8, с. 205], приехавший из Винницы Левада — поступал с надеждой на существование места, где должны говорить «настоящую правду». Несмотря на то, что оба они быстро убедились в наивности своих планов и надежд, учились они отлично.

Университетские годы Грушина прошли в напряженных философских дискуссиях внутри неформального дружеского объединения, известного сегодня как «Московский логический кружок» (МЛК).

Кружок возник в начале 1950-х годов и окончательно оформился в 1954 году. Ядром МЛК были четыре человека, каждый из которых внес значительный вклад в науку, философскую культуру и нравственный климат советского общества: Грушин, Александр Александрович Зиновьев (1922–2006), Георгий Петрович Щедровицкий (1929–1994) и Мераб Константинович Мамардашвили (1930–1990). В воспоминаниях о Леваде в качестве одной из присущих ему черт личности отмечается «одинокость» (он говорил о себе: «...я довольно одинокий волк всю жизнь»), означавшее не нелюдимость, но стремление к самостоятельному, сосредоточенному анализу интересовавших его теоретических построений и социальных феноменов. Левада не принадлежал к МЛК, однако он был хорошо знаком с идеями, обсуждавшимися на этих неформальных встречах. Много позже в одном из своих интервью он сказал: «Я в этом кругу не состоял, хотя с его участниками был хорошо и по-доброму знаком. Это было очень интересное явление, о нем по праву говорят как о самом интересном философском явлении советского времени» [15].

В 1952 году, получив «красные» дипломы, Левада и Грушин стали аспирантами. Левада тремя годами раньше Грушина защитил сначала кандидатскую, а затем и докторскую диссертации, но оба к сорока годам стали сложившимися учеными, имена которых были известны в зарождавшемся сообществе советских социологов. Оба работали в научных институтах Академии наук СССР, оба в начале 1970-х вынуждены были покинуть Институт конкретных социальных исследований, когда его возглавил М.Н. Руткевич.

Последующий период жизни Левады кратко описан его вдовой, Тамарой Васильевной Левадой. «Объективно — судьба его трагична: восемнадцать лет (с 1970 по 1988 г., то есть со своего сорокалетия до пятьдесят девятого года жизни) Левада не мог ни преподавать, ни публиковаться в печати. А с 1972 г. — даже работать в коллективе профессиональных социологов. Но он не признавал в этом трагедии. Принципиально не признавал, полагая, что человек может и должен делать избранное им дело в любых условиях» [13, с. 9].

Грушин в 1960 году создал Институт общественного мнения при «Комсомольской правде», начал проводить опросы и приступил к изучению всего комплекса вопросов, связанных с природой общественного мнения и общественного сознания. Через сорок лет Левада писал по этому поводу: «Тогда никто еще не верил в существование общественного мнения и возможность его изучать у нас. Эту отрасль науки он выдумал — создал собственными руками, своей головой, собственным энтузиазмом» [14, с. 409]. Левада в начале 1960-х, исследуя социологическую проблематику религии, рассматривал и особенности становления религиозного сознания.

В истории современной российской социологии есть событие, которое большинству ни о чем не говорит, но при упоминании о котором у небольшой группы социологов первых поколений теплеют глаза. Речь идет о семинарах в Кяэрику (Kääriku) — небольшом эстонском городке вблизи Тарту. Там — корни наиболее значимых советских исследований в области прессы и телевидения, в тех дискуссиях рождалось понимание важнейших методолого-методических проблем социологии и формировалась одна из наиболее продуктивных в отечественной социологии сетей межличностного общения. Организатором семинаров был тогда аспирант Тартуского университета Юло Вооглайд (Ülo Vooglaid), теперь — известный социолог, политик и общественный деятель, а дух и содержание этих встреч во многом определялись Владимиром Александровичем Ядовым. Первый форум проходил в 1966 году, второй — в 1967-м и третий — в 1968-м. Состоялась и четвертая встреча, но ее материалы не опубликованы.

Если судить по оглавлению сборника выступлений на первой конференции, то можно утверждать, что ключевой фигурой там был Левада. Он делал доклад о массовой культуре и различных видах массовой коммуникации, в котором, в частности, отметил: «...смотреться в зеркало невредно, и в такое зеркало, как общественное мнение, тоже иногда можно смотреть...» [17, с. 139]. Есть и другие свидетельства того, что вопросы феноменологии общественного мнения находились в поле зрения Левады уже в начале 1960-х годов, латентно эта проблематика присутствует и в его статьях 1970-х — начала 1980-х годов.

Принимая во внимание, что при разработке вопросов, относящихся к социологии религии, в поле зрения Левады оказывалось и становление религиозного сознания, можно утверждать, что в 1960-е годы Грушин и Левада картировали разные участки одной и той же мало изученной территории, вход на которую к тому же тщательно оберегался официальной идеологией.

Период с 1973 года до конца 1980-х внешне в силу разных обстоятельств, но, по сути, в силу одного — невозможности проведения теоретико-эмпирических социологических исследований — был для Левады и Грушина временем теоретических исследований. В 1974 году Грушин завершил грандиозный «Таганрогский проект» и затем шесть лет «пробивал» издание книги, содержащей наиболее полную по тем временам картину функционирования средств массовой информации в СССР [19]. И лишь в 1987 году была опубликована книга «Массовое сознание», над которой Грушин работал свыше 20 лет [9]. Левада, обреченный на молчание, все эти годы посвятил разработке концептуального аппарата для изучения тоталитарного общества и

человека, сформированного им, научившегося жить в той реальности. Не имея возможности опубликовать результаты своих теоретических построений, Левада обсуждал их на созданном им семинаре. В конце 1990-х Левада вспоминал: «...что-то все же удавалось сделать или хотя бы обозначить “тогда”, а главное же, по-моему, — удалось нащупать переход к пониманию того, что происходит с нами “теперь”... в последние годы мы с давними и недавними коллегами смогли описать и объяснить некоторые тенденции развития общества и человека, используя обильные эмпирические данные опросов, но также и тот мыслительный, методологический материал, который был проработан “тогда”» [16, с. 94].

В 1988 году создается Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), руководство которым было возложено на Татьяну Ивановну Заславскую, а Грушин становится заместителем директора и ответственным за выработку методологии и технологии проведения опросов. В том же году по его инициативе во ВЦИОМ был приглашен Левада. В дни празднования 70-летия Грушина Левада вспоминал: «Незадолго перед новым, 1988-м, годом Борис Грушин, встретив меня в вестибюле ЦЭМИ, отвел в уголок и таинственным шепотом сообщил удивительную новость. Решено создать ВЦИОМ — тот самый, идею которого он отстаивал на протяжении добрых 25 лет! Я не очень поверил. Назвал его, кажется, авантюристом и, тем не менее, пожелал удачи. Раньше мне не приходилось заниматься проблемами общественного мнения, и я, как и многие социологи в то время, долго смотрел на начатую Борисом Грушиным работу со скепсисом. Какое может быть “общественное мнение” в стране, где существуют только мнения официальные. В стране, где нет свободы мысли и слова!» [14, с. 409].

В сборник памяти Грушина включена его статья 1988 года «Ученый совет при Чингисхане?» [7, с. 295–302]. Там он сформулировал тезис, согласно которому на определенном этапе истории советского общества в нем произошла серьезнейшая деформация. Органы управления присвоили себе право производить научное, теоретическое социальное знание и тем самым контролировать все, что делается на этом поприще помимо них. На словах они стали пользоваться этим правом наряду с наукой, а на деле — в обход нее и даже без нее, вместо нее, поскольку именно им стало принадлежать последнее слово в любом теоретическом споре по всем проблемам обществоведения.

В одном из разделов этой статьи, озаглавленном «Наука в “подполье”...» Грушин отмечает, что в создавшихся условиях ключевые посты в общественных науках заняли чиновники, неофиты-теоретики, которые могли работать лишь на непрофессиональном уровне. Как следствие, деятельность специалистов самого высокого,

мирового ранга в области социального познания не только была стеснена и ограничена, но и понесла урон в своей общественной значимости. Об этих ученых культивировалось представление как об отшельниках, занимавшихся каким-то странным, никому не нужным делом, идеологических противниках, осмеливавшихся идти не в ногу со всеми. Среди них Грушин назвал А.Ф. Лосева и М.К. Мамардашвили, М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана, к ним он отнес и Леваду. На мой взгляд, эта статья фактически оказалась методологической и нравственной основой грушинского предложения Леваде перейти с небольшой группой «семинаристов» во ВЦИОМ. Пришло время покинуть «подполье».

В переходе во ВЦИОМ Левада увидел возможность для проверки и развития своих представлений о советском обществе и советском человеке. Совместно они проработали недолго, в 1989 году Грушин создал независимую аналитическую структуру «Vox Populi», а позже работал в Институте социологических исследований РАН, сосредоточившись на новом грандиозном проекте — «Четыре жизни России».

Обстоятельства сложились так, что в конце 1991 года возглавить ВЦИОМ пришлось Леваде, так что в течение следующей дюжины лет именно под его руководством Центр приобрел свое научное и политическое «лицо». Но осенью 2003 года руководство страны сделало все, чтобы тот ВЦИОМ прекратил свое существование. Благодаря усилиям Левады, его безупречному научному авторитету и четкой гражданской позиции, в процессе очень непростых преобразований ему удалось полностью сохранить состав организации и сеть по сбору данных. Родился «Левада-Центр». Через пару лет, комментируя все произошедшее, Грушин сказал мне: «Я бы не смог все сделать, как Юра».

Единство научного этоса и различие научного наследия

Андрей Николаевич Алексеев, рассуждая о Леваде-человеке, отмечает его «нравственное самостояние», но не «противостояние» [1, с. 88]. Соглашаюсь с этим утверждением Алексеева, однако не считаю, что «самостояние» охватывает лишь личностное, оно распространяется, и это особенно важно, на творческое. Самостояние для Левады и в той же степени — для Грушина было предпосылкой, условием для главного — научной деятельности.

В 2001 году, обсуждая тему включенности российских социологов в политический процесс, Грушин сказал: «Я очень ценю людей, которые совершенно свободны в своих позициях. Слава Богу, среди моих коллег они существуют, и себя я тоже отношу к их числу. Мой ближайший друг Мераб Мамардашвили потрясающе точно сказал незадолго до своей смерти: “Мы не участвовали в чужих войнах, мы вели свои”. Так оно и есть. Мы действительно никогда не включались

ни в какие политические сюжеты — даже если речь шла о Сахарове или об уходе в диссиденты, как не раз предлагал мне один из друзей. Я отвечал — нет, у меня есть работа на собственном поле» [2].

А вот фрагмент из обширного «Гарвардского интервью» с Левадой, проведенного Дмитрием Шалиным в феврале 1990 года. На вопрос Шалина: «Вы, кстати, не считали себя диссидентом?» Левада ответил: «...Я знал людей многих, которые с этим были связаны, в какой-то мере помогал. Никаких ни угрызений, ни опасений по этому поводу не было, но специального участия в работе я не принимал». Более естественным Леваде представлялось «продолжать работу» [18, с. 317].

Изучение биографических материалов, приводимых в обсуждаемых книгах, позволяет предположить, что постбиографии Грушина и Левады, подобно траекториям их жизней, в значительной мере будут пересекаться. Это обусловлено их принадлежностью к одному поколению, годами работы в одной области социологии, вхождением в одни и те же коммуникационные сети, а также схожестью гражданских позиций, моральных кодексов и научных этосов. Многообразие этосов советского/российского сообщества социологов слабо изучено. Тем не менее, можно допустить, что направленное изучение биографий советских/российских социологов приведет к выделению относительно небольшого числа типов научных этосов, которые будут соотноситься с именами ученых, чье поведение в научном, политическом, гражданском, этическом пространствах может стать «эталонным» для этого типа. Весьма вероятно, что один из типов будет назван «грушинско-левадовским».

Вместе с тем в будущее российской социологии Грушин и Левада вошли с разным научным наследием, отражающим круг их научных интересов и ряд особенностей отношения к результатам своей работы.

Грушин — «отец», инициатор проведения в СССР опросов общественного мнения. Помимо того что он «изучал людские мнения нещадно, вопреки всему» [3], он полтора десятилетия пробивал в стране создание федеральной службы изучения общественного мнения. В значительной мере следствием и итогом этой деятельности стало создание ВЦИОМа. В горькие дни прощания с Грушиным Заславская сказала: «...именно ему принадлежит честь создания ВЦИОМа как современной организации по изучению общественного мнения». Из того ВЦИОМа выросли «Левада-Центр», Фонд «Общественное мнение», многие региональные исследовательские фирмы, организации, работающие в странах СНГ. Можно сказать, что как русская литература «вышла из гоголевской “Шинели”», так и постсоветское сообщество аналитиков общественного мнения «вышло из грушинской шинели».

Если говорить о теоретических разработках Грушина, то главное — это построение социологической концепции массового сознания. В книге «Открывая Грушина» это направление его деятельности анализируется одним из крупнейших современных российских философов Эрихом Юрьевичем Соловьевым, автором дружеского двустишия, написанного в начале 1960-х о первых грушинских опросах: он «занимался серьезно вполне / общественным мнением в безгласной стране». По мнению Соловьева, Грушин первым из отечественных обществоведов обнаружил, «что масса и массовое сознание — это *камень преткновения* для основной критико-аналитической установки марксизма, именуемой классово-социальным подходом. Масса не делится без остатка на сословия, классы, “прослойки”, социальные страты» [21, с. 129–130]; она постоянно заявляет о себе как об особом устойчивом образовании. Многолетние рассуждения подвели Грушина, пишет Соловьев, к открытию основной характеристики общественного бытия массы, ранее не обсуждавшейся марксистами. Речь идет о противостоянии (оппозиции) «атомистической массы», которая спонтанно появляется в новое и новейшее время в обществе конкуренции, и «массы ассоциативной» (более точно — самоассоциирующейся), за которой угадывается модель *добровольной демократической коллективности*. Схожие мысли и оценки работ Грушина о природе массового сознания, об их базовом значении для изучения современной медийной среды развиты в статье Ирины Фомичевой [22, с. 168–176].

Эмпирическим началом и логическим продолжением грушинских исследований массового сознания стал его незавершенный проект «Четыре жизни России». Отмечу лишь два аспекта этой ценнейшей части наследия Грушина. Во-первых, в научный обиход введен уникальный массив историко-социологической информации, рассказывающий о массовом сознании советских людей в эпохи Н. Хрущева и Л. Брежнева. К сожалению, он не успел проанализировать материалы, относящиеся к временам М. Горбачева и Б. Ельцина. Во-вторых, в ходе освоения огромного архива данных Грушин развил новый подход к осмыслению «фотографий» сознания прошлого. Мне показалось обоснованным назвать этот метод «голограммой Грушина» [11].

Отмечу также две составляющие научного наследия Левады, определяющие долгую жизнь сделанного им. Первое — это разрабатывавшаяся Левадой в течение ряда десятилетий методология изучения тоталитарного общества и возможных путей его трансформации. Достижения Левады в этом направлении потому ценны и потому по многим критериям превосходят написанное другими авторами, что отражают его глубокую эрудицию, знание им классических и современных воззрений на государство и общество и одновременно несут в

себе опыт его жизни в разных по «густоте» тоталитарных средах. Кроме того, Левада, как отмечает его вдова, «взахлеб» отработав свои восемнадцать лет во ВЦИОМе [13, с. 9], в отличие от «чистых теоретиков», во всей полноте видел «человека советского», сформированного тоталитарным режимом и пытающегося понять себя в новых социально-политических условиях. Михаил Габович [6, с. 340–366] и Лев Гудков [10, с. 367–419] в статьях, представленных в книге памяти Левады, начали серьезное обсуждение сделанного им в этом направлении. Хотелось бы надеяться, что теоретические построения Левады окажутся путеводными для тех, кто задумывается о будущем России.

Второй значительный вклад Левады в российскую социологию и культуру — это огромный массив данных об установках, мнениях, суждениях россиян по поводу всего волновавшего их в 90-е годы прошлого века и в «нулевые» — этого. Задуманный Грушиным проект «Четыре жизни России» можно расширить до «Шести жизней» и дать обзор советского/постсоветского массового сознания за полвека: от Н. Хрущева до Д. Медведева.

* * *

После прочтения книг о Грушине и Леваде возникает грустная мысль. Мы стесняемся признавать наших современников выдающимися учеными, полагая это нескромным и считая, что только время покажет значение наследия того или иного исследователя. Мне не кажется это верным, скорее я вижу некую ущербность подобного подхода к оценке жизнедеятельности современных ученых. В ней есть что-то надуманное, проистекающее из недооценки роли личности в историческом процессе, есть признак недооценки способности сегодняшнего научного сообщества определить своих лидеров. Безусловно, когда мы говорим о работах ученых и личностей такого масштаба, как Грушин и Левада, мы не имеем права торопиться с выводами относительно значения их трудов. Однако если в дальнейшем развитии отечественной социологии удастся избежать новых потрясений и разрывов, то я предполагаю, что и Грушин, и Левада займут видное место в ее истории. Более того, придет время, и к их наследию обратятся представители новых поколений глобального сообщества социологов. Работы этих ученых помогут обществоведам разных стран проанализировать природу и особенности советского социализма, понять, какими были люди, семь десятилетий создававшие этот строй, а затем за несколько лет разрушившие его.

Борис Грушин и Юрий Левада достойно прожили жизнь и оставили для потомков богатое научное наследие. Будут ли их постбиографии, судьбы долгими, и будет ли востребовано сделанное ими — во многом уже определяется нами и следующими поколениями российских социологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев А.* Человек естественный // Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / Составитель Т.В. Левада. М.: Издатель Карпов Е.В., 2010.
2. *Грушин Б.* «Переходного периода нам всем на целую жизнь хватит» [online]. Дата обращения: 10.12.10. URL: <<http://viperson.ru/wind.php?ID=213403>>.
3. Грушин Б. «Я изучал людские мнения нещадно, вопреки всему...» // Известия. 2004. 2 августа [online]. Дата обращения: 10.12.10. URL: <<http://www.izvestia.ru/russia/article236324>>.
4. *Верховская А.* Вспоминая своих учителей... // Открывая Грушина / Ред.-сост. М.Е. Аникина, В.М. Хруль. М.: Ф-т журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010.
5. Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / Составитель Т.В. Левада. М.: Издатель Карпов Е.В., 2010.
6. *Габович М.* К дискуссии о теоретическом наследии Юрия Левады // Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / Составитель Т.В. Левада. М.: Издатель Карпов Е.В., 2010.
7. *Грушин Б.А.* Ученый совет при Чингисхане? // Открывая Грушина / Ред.-сост. М.Е. Аникина, В.М. Хруль. М.: Ф-т журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010.
8. *Грушин Б.А.* Горький вкус не востребованости // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
9. *Грушин Б.А.* Массовое сознание. М.: Политиздат, 1987.
10. *Гудков Л.* Проблемы социологии Юрия Левады // Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / Составитель Т.В. Левада. М.: Издатель Карпов Е.В., 2010.
11. *Докторов Б.З.* Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования, 2006. Гл. 10.
12. *Кузнецов Б.Г.* Встречи. М.: Наука, 1984.
13. *Левада Т.* Предисловие // Открывая Грушина / Ред.-сост. М.Е. Аникина, В.М. Хруль. М.: Ф-т журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010.
14. *Левада Ю.* Человек, который сделал науку // Открывая Грушина / Ред.-сост. М.Е. Аникина, В.М. Хруль. М.: Ф-т журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010.
15. *Левада Ю.* «Одна Москва, одни деньги, один телевизор» // Независимая газета. 11 мая 2000 [online]. Дата обращения: 10.12.10. URL: <http://kuchaknig.ru/show_book.php?book=113758>.
16. *Левада Ю.А.* «Научная жизнь — была семинарская жизнь» // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
17. *Левада Ю.А.* Выступление на конференции // Материалы встречи социологов «Методологические проблемы исследования массовой коммуникации». Кяярику–1966. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1967.

18. *Левада Ю.* Гарвардское интервью // Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / Составитель Т.В. Левада. М.: Издатель Карпов Е.В., 2010.
19. Массовая информация в советском промышленном городе. Опыт комплексного социологического исследования / Под ред. Б.А. Грушина, Л.А. О니кова. М.: Изд-во политической литературы, 1980.
20. Открывая Грушина / Ред.-сост. М.Е. Аникина, В.М. Хруль. М.: Ф-т журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010.
21. *Соловьев Э.* Антитека массового сознания // Открывая Грушина / Ред.-сост. М.Е. Аникина, В.М. Хруль. М.: Ф-т журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010.
22. *Фомичева И.* Концепция массы в действии // Открывая Грушина / Ред.-сост. М.Е. Аникина, В.М. Хруль. М.: Ф-т журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010.
23. Электронное письмо Н.Г. Карцевой Б. Докторову от 7 декабря 2010 г. (Архив автора.)